

УДК 94:327(410+438):94(477)"1919-1923"

Вопрос о статусе Восточной Галиции в англо-польских отношениях в 1919–1923 гг.

Е.Н. ДУБРОВКО

Статья посвящена выявлению содержания англо-польских отношений по вопросу о статусе Восточной Галиции в 1919–1923 гг. Сделан вывод о том, что Великобритания в указанный период неоднократно пыталась использовать право на участие в определении статуса Восточной Галиции для реализации собственных внешнеполитических интересов в отношениях с Польшей, а в марте 1923 г., поддержав передачу региона Польше в обмен на благоприятную позицию последней в условиях Рурского кризиса в Европе, наконец сняла его с повестки дня.

Ключевые слова: Восточная Галичина, Великобритания, Польша, статус, дипломатия.

The article is devoted to the content of Anglo-Polish relations on the status of Eastern Galicia in 1919–1923 revealing. It is concluded that the United Kingdom during this period repeatedly tried to use the right to participate in determining the status of Eastern Galicia for the realization of its own foreign policy interests in relations with Poland. In March 1923, having supported the transfer of the region to Poland in exchange for a favorable position of the latter in the conditions of the Ruhr crisis in Europe, it finally removed the question from the agenda.

Keywords: Eastern Galicia, United Kingdom, Poland, status, diplomacy.

В начале 20 столетия в украинских землях процесс национально-государственного строительства шёл в условиях острой социально-политической борьбы. Она привлекала неустанное внимание западноевропейских держав, в частности, Великобритании, выстраивавшей свою восточноевропейскую политику в условиях складывания новой расстановки сил на международной арене. Соседние же государства, в частности, польское, переживавшее этап государственно-территориального оформления, приняли в этой борьбе активное участие. В этих обстоятельствах любые территориальные вопросы приобретали не только локальное, но и региональное и даже международное звучание. Это в полной мере характерно для вопроса о статусе Восточной Галиции – части Речи Посполитой, присоединённой Австрией в 1772 г. и имевшей преимущественно восточнославянское население, но ставшей объектом территориальных притязаний Польши после Первой мировой войны.

В историографии начиная с 1920-х гг. до сегодняшнего времени, несомненно, находит отражение содержание англо-польских отношений после Первой мировой войны. Наибольший интерес к этой проблематике проявили польские учёные [1], [2], [3]. Очевиден и их интерес к британской политике в отношении иных восточноевропейских регионов, история которых тесно связана со становлением Польши после Первой мировой войны, например, к политике Великобритании в украинском вопросе [4]. Для английской историографии лишь со второй половины 20 в. характерно проявление интереса к политике Великобритании в польском вопросе [5]. В советской исторической науке в рамках изучения истории интервенции рубежа 1910–1920-х гг. закрепился тезис о том, что державы Антанты передали Польше западную Украину в 1919 г. в качестве вознаграждения за борьбу с Советской Россией [6, с. 237–238]. Из современных российских историков можно отметить К.Н. Колмагорова, рассматривавшего политику Великобритании в польском вопросе в 1914–1921 гг., но оставившего за рамками исследования период борьбы Польши за международное признание её восточных границ [7]. Понимание тесной связи украинской и польской истории и сближение Украины с Европейским союзом способствовали росту исследовательского интереса украинских историков к отдельным аспектам англо-польских отношений межвоенного времени и появлению соответствующей тематики диссертационных работ [8]. Однако следует признать, что в историографии до сих пор не подвергались отдельному анализу англо-польские отношения по вопросу о статусе Восточной Галиции в 1919–1923 гг. Поэтому в представленной статье сделана попытка выявить содержание англо-польских отношений по указанному вопросу.

В ходе Парижской мирной конференции, закрепившей итоги Первой мировой войны, вопрос о судьбе Восточной Галиции оказался на повестке дня в связи с обсуждением потенциальных границ польского государства на юго-востоке. 29 января 1919 г. польский делегат Роман Дмовский говорил о необходимости включения в состав Польши территорий до реки Ушицы (приток Днестра) [9, s. 45–56.], тем самым заявив польские претензии на восточногалицийские территории. Там же на конференции британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж высказывался против передачи Восточной Галиции Польше. Он упрекал последнюю в стремлении захватить нефтеносные районы, пренебрегая этнографическим принципом [9, s. 129–130], [10, p. 408–412]. Помимо этого, в Великобритании было известно, что лидеры антибольшевистских сил – А.В. Колчак, А.И. Деникин – также претендовали на вхождение Восточной Галиции в состав России [11, с. 368] и в периоды наибольших успехов антибольшевистских сил в гражданской войне в России с конца 1918 до середины осени 1919 г. – их притязания очевидно принимались в расчёт. Известны также заявления британских делегатов о необходимости выслушать территориальные претензии украинцев, но их можно рассматривать лишь как дань популярному лозунгу «права наций на самоопределение». Украина не рассматривалась в Великобритании как самостоятельный субъект международных отношений. Летом 1919 г. в английской внутриведомственной переписке отмечалось, что «правительство Его Величества всегда считало Украину интегральной частью России». В силу событий конца 1917–1918 гг. украинское национальное движение не вызывало особого доверия английских политиков, существовали подозрения его в связи с Германией, подпитывавшиеся соответствующей польской пропагандой [12, s. 104–105], [13, p. 426], [14, s. 167–168].

Военные действия между польскими и украинскими войсками в Восточной Галиции вызывали протесты Великобритании. Так, в середине мая 1919 г. член британской делегации Эсме Ховард на организованной им встрече с Р. Дмовским настаивал на польско-украинском перемирии, так как оно могло улучшить военное положение Польши «на случай войны с Германией» [15, s. 311–312]. То есть, опасаясь отказа Германии подписать мирный договор и нового развязывания военных действий, Великобритания не исключала необходимость использования польских войск для противостояния ей. С другой стороны, британские дипломаты были хорошо осведомлены о том, что передача Польше восточногалицийской территории с большинством крестьянского украинского населения могла привести к росту социальной напряжённости и конфликтов в регионе. По мнению британского премьера, такое развитие событий могло не «создать барьер на пути большевизма в Европу», а вызвать его распространение [16, p. 3–5], [17, p. 29], [15, s. 324]. Вдобавок к перечисленному выше, присоединение к Польше Восточной Галиции, где поляки не составляли большинства, могло создать прецедент, существенный и даже опасный в условиях отсутствия полного урегулирования вопроса о польско-германской границе. Это отмечали как германские, так и британские политики [18, с. 146], [15, s. 312]. Однако 18 июня глава английского внешнеполитического ведомства Артур Джеймс Бальфур представил мирной конференции меморандум о Восточной Галиции. В нём предлагалось допустить **временную оккупацию** Восточной Галиции польскими войсками с назначением туда комиссара Лиги Наций и при условии проведения там в дальнейшем плебисцита по вопросу о статусе региона [11, с. 257–258]. В соответствии с этим предложением 25 июня конференция приняла решение о временной оккупации Восточной Галиции польскими войсками [15, s. 346–353].

Предложение А.Дж. Бальфура последовало после того, как обсуждение доклада Комиссии по польским делам 17 июня показало, что Великобритания в вопросе определения линии границы в Восточной Галиции оказалась в оппозиции и Франции, и США, и Италии [19, p. 775–792], [20, s. 159–161]. Тупиковая ситуация, которая вызывала недовольство польской стороны и могла вызвать её активные военные действия, была на тот момент недопустима, поскольку сохранялось убеждение в готовящемся развязывании Германией военных действий [21, s. 206–207]. В то же время Красная армия подходила к границе Восточной Галиции. Её активное продвижение на запад в условиях существования Венгерской и появления Словацкой советских республик, а также нестабильности в Германии могло вызвать обострение социально-политической ситуации

во всей Европе. В этих условиях Великобритания, чтобы создать барьер на пути движения Красной армии, выдвинула проект польской оккупации Восточной Галиции, при этом настойчиво оговаривая её временный характер и проведение в скором времени плебисцита.

Очевидно, что предложение А.Дж. Бальфура было вызвано лишь сложившимися на тот момент военно-политическими обстоятельствами. Это подтвердили дальнейшие действия британских политиков. Так Д. Ллойд Джордж, продолжая подчёркивать несправедливость и опасность польского проникновения в Восточную Галицию, в декабре 1919 г. согласился с решением не вводить постановление о 25-летнем сроке польской оккупации Восточной Галиции в действие, оставив этот вопрос для более позднего рассмотрения [15, s. 375–376]. Поскольку по условиям Сен-Жерменского договора Австрия отказалась в пользу союзных держав от всех прав на Восточную Галицию [22, p. 173–304], по итогам Парижской конференции Великобритания, по сути, получила возможность использовать своё **право на участие в определении статуса Восточной Галиции** для будущей дипломатической игры. Таким образом, в англо-польских отношениях на руках у Великобритании оказалась своеобразный козырь – «восточногалицийская карта».

Зимой 1920 г. реализация любых военных планов Польши по продвижению в восточном направлении рассматривалась британским премьером как крайне нежелательная и даже вредная. Эта позиция проявилась в ходе его встреч с польским министром иностранных дел Станиславом Патеком. Д. Ллойд Джордж ссылался на линию польских границ, предложенную мирной конференцией в Париже, и заявлял, что Великобритания не сможет помочь Польше, если причиной срыва мира станет попытка удержать территории восточнее неё [23, p. 803–805]. Слова британского премьера означали, что Польша не могла рассчитывать на помощь Великобритании в случае входа советских войск на территорию Восточной Галиции, так как последняя формально не входила в границы польского государства. Эта же позиция проявилась в ходе первой после Версаля конференции союзников в Лондоне, проходившей с 12 февраля по 10 апреля 1920 г. В ходе её было решено, что, если какое-либо из политических образований, граничащих с Советской Россией и де-факто признанных, обратится к союзникам за советом, они ответят, что не берут на себя ответственность советовать ему продолжение войны. При этом отмечалось, что, если Советская Россия нападёт на эти образования в пределах их законных границ, союзники предоставят им возможную поддержку [24, p. 144–153].

В конце апреля 1920 г. в Лондон пришли сведения о польско-украинском соглашении, в котором Польша признала Украину независимым государством, а последняя отказалась в её пользу от Восточной Галиции и части Волыни [25], и вскоре началось польское вооружённое наступление в Украине. Эти шаги Польши не вызвали официальной реакции английского кабинета. Как отмечал А. Марголин, правительство ожидало результатов польско-украинского наступления [26, с. 218]. Очевидно, что веры в успех этого наступления не было: в разгар польского наступления, когда Киев уже был занят поляками, британский кабинет министров принял решение, что в будущем торговое соглашение с Советской Россией войдёт и территория Украины [4, s. 292].

По мере развёртывания советского наступления возникала угроза вторжения в «законно признанные границы» Польши и, следовательно, необходимости оказания ей помощи против Советской России. Потенциальный захват Восточной Галиции Красной армией не обязывал Великобританию помогать Польше, т. к. эти земли не входили в территорию последней, но он был бы равносителен вызову, брошенному союзным державам. Однако в конце июня Политбюро приняло решение об «осторожной политике, охраняющей независимость Восточной Галиции». Было решено отказаться от немедленной аннексии Восточной Галиции в пользу более осторожного пути распространения там советской власти, т.е. через создание Галицийского ревкома, организацию восстания и т. д. [27, с. 126–127] Таким образом, советская сторона избавила Великобританию от формальной необходимости немедленного вмешательства в вооружённый конфликт.

В июле 1920 г. в условиях дальнейшего наступления советских войск с инициативой более тесного вовлечения Великобритании в польско-советский конфликт выступила уже польская сторона. 6 июля Ст. Патеке встретился по этому поводу с британским премьер-министром и другими британскими политиками в бельгийском городе Спа, где проходила

международная конференция. Британский премьер подчёркивал в ходе конференции ошибочность восточногалицийской политики Польши и необходимость учёта воли населения этой территории при решении её судьбы [28, р. 502–506]. На тот момент даже отстаивать право Польши на военную оккупацию Восточной Галиции Великобритания не была намерена: на совещании 10 июля Д. Ллойд Джордж, ссылаясь на то, что большевистские войска уже вошли на территорию Восточной Галиции, предложил, чтобы они просто остановились на линии, которой достигнут к моменту перемирия. Это предложение было принято и вошло в итоговое соглашение, подписанное Польшей [28, р. 524–530]. Одновременно премьер-министр Великобритании предложил провести в Лондоне под контролем союзников конференцию между Советской Россией, Польшей, Литвой, Латвией, Финляндией и с участием представителей Восточной Галиции и П.Н. Врангеля для урегулирования конфликта [28, pp. 513–518, 524–530]. Эта конференция могла стать отличной площадкой для разыгрывания «восточногалицийской карты». Можно было попытаться решить вопрос о её статусе в максимально выгодном для Великобритании ключе. Однако, как известно, советское правительство отказалось от посредничества Великобритании [29, с. 47–53], а начало польского контрнаступления и военные успехи поляков вообще изменили политическую ситуацию и уменьшили возможности Великобритании влиять на польские действия в восточногалицийском вопросе.

Осенью 1920 г. в поисках международной поддержки своих территориальных требований Польша сделала ставку на Францию: было известно, что французское правительство готово на признание за ней Восточной Галиции при условии доступа в регион французского капитала [30, с. 130]. Советская же сторона к концу сентября в условиях военных успехов Польши и П.Н. Врангеля заявила об отказе от Восточной Галиции и готовности идти на значительные территориальные уступки, о чём было сделано заявление ВЦИК [29, с. 204–206]. В названных обстоятельствах британское правительство воздерживалось от значительной политической активности в восточногалицийском вопросе. Попытки украинских национальных деятелей найти помощь в Великобритании оказывались безрезультатными [4, с. 301–306]. Вопрос о Восточной Галиции был пока оставлен на разрешение Советской России и Польше, в результате чего по договору о прелиминарных условиях мира в октябре 1920 г., Восточную Галицию получила Польша [29, с. 245–256].

Оценка сложившейся ситуации в британском ведомстве иностранных дел способствовала постепенному утверждению мнения о необходимости оставить восточногалицийский регион в составе Польши при условии предоставления ему автономии [31, pp. 127–129, 138, 268–271]. Его распространение и преобладание определялось рядом обстоятельств. Во-первых, вопрос о Восточной Галиции мог быть использован в переговорах с Францией о судьбе Верхней Силезии: можно было больше уступить Польше в Восточной Галиции, чем в Силезии [31, р. 92–97]. Это должно было вызвать меньшие международные проблемы, так как в отличие от Германии, Советская Россия, подписав Рижский мирный договор, сама отказалась от спорной территории. Во-вторых, утвердилось мнение, что любые иные варианты, в том числе реализация национальных устремлений непольского населения региона, потребуют военных действий [31, р. 268–271]. В-третьих, за передачу Польше Восточной Галиции выступало румынское правительство, так как это увеличивало польско-румынскую границу, что было важно и с военной, и с экономической точки зрения [32, р. 651–652]. Как видно, в Великобритании во второй половине 1921 г. довольно активно анализировалась возможность использования права на участие в определении статуса Восточной Галиции путём передачи её Польше в собственных внешнеполитических интересах.

Начало 1922 г. ознаменовалось активной подготовкой Великобритании к проведению международной конференции в Генуе с участием Советской России. В этот период в Форин офис был подготовлен меморандум по проблеме договоров с Россией, в котором указывалось, что во внешнеполитические интересы Великобритании вполне вписывалось признание Рижского мирного договора 1921 г. между Польшей, с одной стороны, и Советской Россией и Украиной, с другой. Оно позволяло сделать шаг к определению международного статуса Восточной Галиции, так как предполагало передачу её Польше, против которой никто возражать не стал бы [33, р. 288–296]. Соответственно, Форин офис сообщило польским пред-

ставителям в Лондоне, что Генуэзская конференция могла стать «хорошим случаем для признания Рижского мира». Это позволило бы избежать отдельного рассмотрения вопроса о Восточной Галиции, так как он, по сути, оговорен в тексте Рижского договора [34, s. 92–115]. На начальном этапе конференции английский премьер-министр по вопросу о статусе Восточной Галиции также указал на отсутствие иных альтернатив, кроме передачи её Польше при условии сохранения автономии, что должно было положить конец национальным конфликтам в регионе [33, p. 565–571]. Таким образом, в канун Генуэзской конференции и в её начале Великобритания, заинтересованная в польской поддержке своей политики по нормализации отношений с Советской Россией, прогнозировала его благоприятное для Польши решение. Однако далее возможность окончательно разыграть «восточногалицийскую карту» оказалась не реализована в связи со срывом конференции [35, с. 78–83].

На протяжении 1922 г., заявляя об «отсутствии реального политического интереса», Форин офис не исключало возможности использовать эту «карту» в своей политике. Именно поэтому попытка Лиги Наций обратиться к вопросу Восточной Галиции была воспринята с недовольством [31, p. 575–576]. Возможность представилась уже осенью 1922 г. Толчком к этому стали события на Ближнем Востоке, где активное контрнаступление турецкой армии, приближавшейся к району проливов, поставило вопрос о возможности турецко-английского столкновения и вынудило Д. Ллойд Джорджа к поиску союзников [36, s. 71–73]. В Великобритании росло опасение, что англо-турецкая война может спровоцировать европейский конфликт с вовлечением Советской России и, возможно, Германии. Великобритания, стремясь к его локализации, рассматривала Румынию как союзника при обороне проливов и пыталась «выторговать» у Польши «обеспечение Румынии свободы рук на Балканах» в обмен на признание за Польшей Восточной Галиции [37, ss. 169–172, 176–179], [38, s. 65–69]. То есть Польша должна была занять решительную позицию в отношениях с Россией, чтобы Румыния могла использовать свой контингент в районе проливов. С дугой стороны, передача Польше Восточной Галиции должна была стимулировать к активным действиям и Румынию, являвшуюся активной сторонницей такого варианта [37, s. 161–163], [39]. Однако осторожность Польши, считавшей такую сделку невыгодной, и британского правительства, которое должно было учитывать общественное мнение и позицию Канады, ставивших вопрос о защите прав украинского и еврейского населения Восточной Галиции, затянули переговоры [37, ss. 83–92, 100–102, 176–179], [40, s. 170–190]. Остановка турецкого наступления и подписание перемирия сняли вопрос о возможной политической сделке и «восточногалицийская карта» вновь осталась не разыграной.

В начале 1923 г. развитие событий в Европе, где занятие Францией района Рура до крайности обострило обстановку, на фоне сохранявшейся неурегулированности отношений с Турцией, в частности вопроса о принадлежности Мосула, толкало Великобританию к большей активности в европейских делах. В стране возросли опасения, что пассивная политика Эндрю Бонар Лоу угрожала изоляцией островной державы [41, s. 66–67]. Более того, существовали в Великобритании опасения относительно возможного развития событий в Европе после оккупации Рура. В частности, не исключалось, что Франция санкционирует мобилизацию Польши против Германии, что, в свою очередь, могло быть рассмотрено Советской Россией как акт агрессии и могло повлечь широкомасштабный кризис [41, s. 45–109]. В этих обстоятельствах удовлетворение польских притязаний на Восточную Галицию было призвано в определённой степени «умиротворить» Польшу. Кроме того, как признавал глава Форин офис лорд Керзон, по этому вопросу правительство Великобритании осталось в меньшинстве и, не имея средств навязать свою позицию Франции и Италии, вынуждено было искать такую формулу, чтобы не подорвать свой авторитет в стране и за её пределами [31, p. 794–795]. В итоге, 15 марта 1923 г. при участии английского представителя Эрика Фиппса было подписано решение Конференции послов в Париже о признании восточных границ Польши. Это означало признание польского суверенитета над Восточной Галицией.

Таким образом, в марте 1923 г. вопрос о статусе Восточной Галиции в англо-польских отношениях оказался решён следующим образом: Великобритания реализовала своё право на участие в определении статуса Восточной Галиции, поддержав передачу её Польше в обмен на благоприятную для британских интересов позицию последней в условиях Рурского кризиса в Европе.

Литература

1. Nowak-Kielbikowa, M. Polska-Wielka Brytania w latach 1918–1923. Kształtowanie się stosunków politycznych / M. Nowak-Kielbikowa. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1975. – 444 s.
2. Piszczkowski, T. Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich / T. Piszczkowski. – Londyn : Oficyna Poetów i Malarzy, 1975. – 456 s.
3. Baumgart, M. Wielka Brytania a odbudowa Polski, 1914–1923 / M. Baumgart. – Szczecin : Uniwersytet Szczeciński, 1990. – 214 s.
4. Regina-Zacharski, J. Sprawa ukraińska w polityce Wielkiej Brytanii w latach 1917–1923 / J. Regina-Zacharski. – Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2004. – 398 s.
5. Davies, N. Lloyd George and Poland, 1919–1920 / N. Davies // *Journal of contemporary history*. – 1971. – Vol. 6, № 3. – P. 132–154.
6. Лихолат, А.В. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917–1922 гг.) / А.В. Лихолат. – М. : Госполитиздат, 1954. – 654 с.
7. Колмагоров, К.Н. Польский вопрос во внешней политике Англии (1914–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / К.Н. Колмагоров ; Калининградский гос. университет. – Калининград, 2004. – 240 л.
8. Чаїнський, Ю.О. Політика Великої Британії і Франції щодо територіальних меж Польщі у 1918–1923 роках: автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.02. / Ю.О. Чаїнський ; НПУ імені М.П. Драгоманова. – Київ, 2011. – 19 с.
9. Sprawy Polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały : w 3 t. / red. K.R. Bierzanek – Warszawa, 1965. – T. 1. – 644 s.
10. Papers relating to the foreign relation of the United States. 1919. The Paris peace conference : in 13 vol. / Department of state. – 1943. – Vol. 4. – 880 p.
11. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. / редкол.: И.А. Хренов [и др.] – М. : Изд-во АН СССР, 1964–1986. – Т. 2: Ноябрь 1918 – Апрель 1920. / С. Вроньский [и др.] – М., 1964. – 689 с.
12. Archiwum akt nowych w Warszawie (AAN). – Zespół 322. – Sygn. 5068a.
13. Komarnicki, T. Rebirth of the Polish Republic. A study in the diplomatic history of Europe, 1914–1920 / T. Komarnicki. – Melbourne : William Heinemann LTP, 1957. – 776 p.
14. AAN. – Zespół 322. – Sygn. 5091d.
15. Sprawy Polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały : w 3 t. / red. K.R. Bierzanek. – Warszawa, 1967. – T. 2. – 483 s.
16. Minutes of a meeting of the war cabinet, November 14, 1918 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/details/D7652226?uri=D7652226> – Date of access : 08.12.2011.
17. Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methuen & Co Ltd., 1972. – 230 p.
18. Эрцбергер, М. Германия и Антанта. Воспоминания бывшего германского министра финансов / М. Эрцбергер. – М. : Петроград : Гос. издательство, 1923. – 358 с.
19. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser./ ed. by R. Butler [etc.]. – London : His Majesty's stationary office, 1947. – Vol. 1. – 970 p.
20. AAN. – Zespół 322. – Sygn. 1480.
21. Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego: w 6 t. – Wrocław [etc.], 1974. – Т. 2: 1919–1921 / red. H. Janowska. – 700 s.
22. A history of the Peace conference of Paris : in 6 vol. / ed. by H.W.V. Temperley. – London : Henry Frowde and Hodder&Stoughton, 1921. – Vol. 5. – 483 p.
23. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. / ed. by R. Butler [etc.]. – London : His Majesty's stationary office, 1949. – Vol. 3. – 910 p.
24. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. / ed. by R. Butler [etc.]. – London : His Majesty's stationary office, 1958. – Vol. 7. – 744 p.
25. Ukrainian Independence. Agreement with Poland // *The Times* [Electronic resource]. – 1920. – 24 April. – Mode of access: <http://archive.timesonline.co.uk/>. – Date of access: 01.09.2008.
26. Марголин, А. Украина и политика Антанты. (Записки еврея и гражданина) / А. Марголин. – Берлин : Издательство С. Ефронь, 1921. – 397 с.
27. Польско-советская война. (Ранее не опубликованные документы и материалы) : в 2 ч. / редкол.: И.И. Костюшко [и др.]. – М. : РАН, 1994. – Ч. 1. – 216 с.

28. Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. by R. Butler [and others]. – London : His Majesty's stationary office, 1958. – Vol. 8. – 892 p.
29. Документы внешней политики СССР : в 21 т. – М.: Гос. изд. полит. литературы, 1957–1977. – Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. / Г.А.Белов [и др.]. – 1959. – 702 с.
30. Ольшанский, П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 гг.) / П.Н. Ольшанский. – М. : Наука, 1969. – 260 с.
31. Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. by R. Butler [and others]. – London : His Majesty's stationary office, 1981. – Vol. 23. – 1026 p.
32. Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. by R. Butler [and others]. – London : His Majesty's stationary office, 1961. – Vol. 11. – 748 p.
33. Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. by R. Butler [and others]. – London : His Majesty's stationary office, 1974. – Vol. 19. – 1138 p.
34. AAN. – Zespól 463. – Sygn. 59.
35. Дубровко, Е.Н. Вопрос о восточных границах Польши и позиция Великобритании на генуэзской конференции 1922 г. / Е.Н. Дубровко // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зб. навук. арт. / Установа адукацыі «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»; рэдкал.: Р.Р. Лазько (галоўны рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2013. – Вып. 2. – С. 78–83.
36. Batowski, H. Między dwiema wojnami 1919–1939, zarys historii dyplomatycznej / H. Batowski. – Kraków : Wyd-wo literackie, 2001. – 574 s.
37. AAN. – Zespól 463. – Sygn. 61.
38. AAN. – Zespól 503. – Sygn. 438.
39. Memorandum by Mr. Chamberlain of a conversation with the roumanian charge d'affairs, Monday 18th September, 1922, at 3.30 p.m. // Conferences of Ministers on miscellaneous matters. – Vol. II [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-36.pdf> – Date of access : 21.04.2017.
40. AAN. – Zespól 463. – Sygn. 60.
41. AAN. – Zespól 322. – Sygn. 5068b.